

В. Г. НИКОЛАЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ И ЖИЗНЕННЫЙ МИР

***Аннотация:** В статье предлагается модель социальной организации времени для анализа преобразований, происходящих в жизненном мире в условиях позднекапиталистической современности. Утверждается, что характерные особенности часового времени оказываются подчинены особой рациональности, связанной с их капиталистическим использованием, и что этот особый капиталистический способ преобразования времени (и через него человеческой деятельности) в современную эпоху универсализируется, распространяясь во все сферы человеческого бытия. Этот вид временного упорядочения становится в позднюю современность доминирующим как паттерн временной организации независимых друг от друга областей фрагментированного социального мира.*

***Abstract:** In this article the author suggests the model of social organization of time for analysis of transformations that take place in a lifeworld in conditions of late capitalist modernity. He argues that characteristic features of clock time are subjected to specific rationality related to its capitalist use, and that this specific capitalist mode of transformation of time and, through it, of human activities becomes universal in modernity and spreads into various spheres of human being. That kind of temporal ordering becomes dominant in late modernity as a pattern of temporal organization of mutually autonomous parts and areas of fragmented social world.*

***Ключевые слова:** время, социальная организация времени, жизненный мир, поздняя современность, рациональность, капитализм.*

***Keywords:** time, social organization of time, lifeworld, late modernity, rationality, capitalism.*

В статье будет предложена модель социальной организации времени, предназначенная для анализа преобразования жизненного мира в ус-

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии ФСФ ИОН РАНХиГС (Москва). E-mail: vnik1968@yandex.ru.

ловиях позднекапиталистической современности, особенно в обществах, ускоренно входящих в эту особую современность.

Постановка вопроса. Р.С. и Х.М. Линды, исследовав в 1920-е гг. небольшой городок Манси в шт. Индиана, ставший известным как «Средний город», пришли, среди прочего, к следующему выводу: «...жизнь Среднего города почти в каждой своей точке представляет либо какое-нибудь изменение, либо какой-нибудь стресс, проистекающий из отсутствия изменения. Одной ногой гражданин стоит на относительно твердой почве установленных институциональных привычек, а другой вскакивает на эскалатор, беспорядочно движущийся в нескольких направлениях на пугающе разных скоростях. Жизнь в таких обстоятельствах состоит прежде всего в поддержании некоторого рода равновесия»¹. Речь шла прежде всего о том, что разные сферы жизнедеятельности города, вошедшего в состояние быстрого и масштабного социального изменения, демонстрировали разные степени инертности или ускорения и что темпы изменения в этих областях не согласовывались друг с другом, также как и их направленности. Этот вывод не стоит воспринимать как легковесный. В нем заложено гораздо больше, чем в теории «культурного отставания», которую Линды хорошо знали и на которую не раз ссылались. В сущности, его можно переформулировать таким образом: в период быстрого изменения разные стороны человеческой жизни претерпевают разные степени ускорения или замедления, выстраивают свои особые времена, и жизнь любого отдельного человека, выстроенная вокруг множества дифференцированных социальных вовлечений, оказывается так или иначе вписанной в множественность социальных времен и должна так или иначе адаптироваться к этой множественности. Можно предположить, что этот тезис будет применим ко всем быстро меняющимся обществам. Нас интересует, как при этом преобразуется жизненный мир.

Точка отсчета: временная организация жизненного мира. В мире повседневной жизни «внутреннее» время действующих (*durée*) сочленяется с «внешним» временем, и любая координация действий людей осуществляется через это сочленение, интересубъективно интегрирующее частные временные перспективы в «единое, предположительно гомогенное, измерение времени», которое А. Шюц называет «гражданским, или *стандартным* временем»². Все устойчивые соединения действий, от простей-

¹ Lynd R.S., Lynd H.M. *Middletown: A Study in American Culture*. — N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1929. — P. 498.

² Шюц А. О множественных реальностях // Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 416.

ших синхронизаций до сложных сетей и институциональных комплексов, обеспечиваются соотношением их составных операций со стандартным временем и их взаимной расстановкой в нем как во внешней, объективной рамке. В современности роль стандартного времени выполняет часовое время, регистрируемое и измеряемое часами. Это механическое, «опространствленное», «объективное» время, поддающееся нарезке на равные отрезки и объективации в виде последовательности таких отрезков; в нём легко вырезаются ниши для размещения всех событий – как человеческих, так и нечеловеческих.

Часовое время уже само по себе служит инструментом реорганизации жизненного мира, по сравнению с иными видами стандартных времен, которые ему исторически предшествовали. Абстрагированное от пространства и живого потока жизнедеятельности, оно становится инструментом рационального конструирования новых и более продуманных соединений человеческих и нечеловеческих, живых и неживых элементов в разных комплексах деятельности, которые затем возвращаются в жизненный мир как временные каркасы для практики. Это свойство часового времени служит фундаментом для более сложных рационализаций.

Рациональность и жизненный мир. Своеобразие современности (особенно поздней) в интересующем нас аспекте не сводится к встраиванию жизни в часовое время как таковому; скорее ее характеризует особый способ манипуляций со временем, в которое они встраиваются, и переупорядочения жизни через эти манипуляции. По З. Бауману, точкой отсчета «современной эры» является «освобождение времени от пространства, его подчинение человеческой изобретательности и техническим возможностям»³. Речь идет о всеобъемлющем преобразовании жизненного мира через его подчинение постоянно совершенствуемым абстрактным конструкциям, органичным для того особого вида рациональности, который получил развитие в Новое время на Западе.

Одну из классических концепций, чаще всего используемых в качестве точки опоры при рассмотрении этой особой рациональности, мы находим у М. Вебера. Он видит эту рациональность в целом ряде «явлений культуры», развивавшихся в едином русле «в направлении, получившем *универсальное* значение»⁴. Ее образцовое проявление он обнаруживает в капиталистическом предприятии, своеобразие которого состоит,

³ Бауман З. Текучая современность: Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – С. 122.

⁴ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44.

прежде всего, в инкорпорации систематической калькуляции и отчетности, в ориентации «на планомерное использование материальных средств или личных усилий для получения прибыли таким образом, чтобы исчисленный в балансе конечный доход предприятия... *превышал* “капитал”, то есть стоимость использованных в предприятии материальных средств (в постоянно действующем предприятии превышал бы их *при каждом* составлении баланса)»⁵. Отметим здесь прежде всего два момента.

Во-первых, подчинение предприятия (как деятельности) рационально исчисляемым требованиям «рентабельности» (сегодня в ходу более емкое понятие «эффективность»). В связи с этим М. Вебер чуть далее отмечает: «Капитализм безусловно тождествен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно *возрождающей* прибыли, к *рентабельности*. И таковым он должен быть, ибо в рамках капиталистической системы хозяйств предприятие, не ориентированное на рентабельность, неминуемо осуждено на гибель»⁶. Иначе говоря, каждая рационализация деятельности, создающая рост эффективности, постепенно вытесняет в рыночной конкуренции иные формы организации этой деятельности, и масштабы этой селекции зависят от глубины проникновения рыночных механизмов в круг человеческих дел.

Во-вторых, М. Вебер ясно указывает на механизм этой рационализации: расчеты «предшествуют каждому мероприятию в виде калькуляции, служат средством контроля и проверки целесообразности отдельных действий и помогают установить размер “прибыли” при завершении мероприятия»⁷. В «Протестантской этике и духе капитализма» Вебер фокусируется на том, как эта рациональность преобразует жизнь самого предпринимателя, однако этот же механизм задействован в реорганизации всех элементов предприятия — как материальных и технических компонентов, так и человеческих действий и связей между всеми этими компонентами. Кроме того, важно отметить, что через этот механизм в жизненный процесс входят в качестве организующего рационального компонента не только бухгалтерские расчеты, но и все виды абстрактного рационального конструирования, а также «контроля и проверки целесообразности», в том числе связанные с существенными вторжениями во временную организацию жизненного процесса.

Эти вторжения преобразуют затрагиваемую ими деятельность, меняя ее формы, последовательные и параллельные расстановки, интенсивнос-

⁵ Там же. — С. 48.

⁶ Там же.

⁷ Там же. — С. 49.

ти и т.д. в сторону максимальной «целесообразности» и «эффективности». Вектором рационального развития становится «такое повышение производительности труда, которое достигается посредством научно обоснованного расчленения производственного процесса, способствующего устранению “органического” предела, установленного природой»⁸. Развитие техники создает все новые и новые возможности на этом пути.

Как отмечает З. Бауман, эта современная рациональность сосредоточена «на разработке способов, позволяющих быстрее решить свои задачи, исключая при этом “непроизводительное”, праздное, пустое и поэтому потраченное впустую время...на более плотном заполнении пространства объектами и увеличении пространства, которое могло быть заполнено за данное время»⁹. То, что Бауман говорит здесь о пространстве, относится в равной мере к объективированному, гомогенному, механическому, опространствленному времени: оно должно быть наполнено без пробелов и промежутков тщательно просчитанными и продуманными деятельностями, максимально эффективно и прибыльно соединяющими все элементы производственных процессов (живые и неживые, человеческие и нечеловеческие) в накинутаой на жизнь абстрактной временной сетке как в своем «естественном» вместилище.

М. Фуко красочно описывает этот процесс воплощения абстрактных схем капиталистического дисциплинирования и рационализации в «живые таблицы» — слаженные динамические соединения работающих тел и вещей. Он показывает, что уже XVIII в. наполнен всевозможными экспериментами с подобной рациональной организацией¹⁰. Уже в XVIII в. у чувствительного к этим тенденциям Ж.О. де Ламетри рождается образ «человека-машины». На рубеже XIX—XX вв. эта тенденция выходит на качественно новый уровень.

Капиталистическое переупорядочение времени. Этот новый уровень достигается в системе, широко известной как «научная организация труда», или тейлоризм/фордизм. Как отмечает З. Бауман, завод Форда, где впервые были практически реализованы идеи Ф. Тейлора¹¹, стал «наиболее желанной и страстно преследуемой моделью сконструированной рациональности во времена тяжелой промышленности»¹². И он же — прото-

⁸ Там же. — С. 94.

⁹ Бауман З. Указ. соч. — С. 123.

¹⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. — М.: Ad marginem, 1999.

¹¹ См.: Тэйлор Ф. Из книги «Научная организация труда» // Управление — это наука и искусство: А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тэйлор, Г. Форд. — М.: Республика, 1992. — С. 224-305.

¹² Бауман З. Указ. соч. — С. 126.

типический образец капиталистической трансформации часового времени. В этой модели время систематически перенарезается на отдельные строго отмеренные отрезки так, чтобы каждый из этих отрезков был целиком занят единичной аналитически выделенной операцией (выполняемой максимально быстрым из известных научно выявленных способов), и эти временные отрезки сочленяются друг с другом в системе координат часового времени в виде последовательностей и синхронизаций так, чтобы — в идеале — все производственные процессы и сочленения процессов внутри производственного цикла и с внешней средой происходили максимально быстро и с нулевыми временными потерями.

Мы можем особо выделить два момента. Во-первых, часть задающей общий темп временной организации действия и контроля за поддержанием этого темпа интегрирована в неживые (технологические) компоненты производственного процесса (у Форда — прежде всего в движущийся с определенной заданной скоростью конвейер). Это важно иметь в виду, поскольку значительная часть социальной организации времени в эпоху позднего капитализма встроена в технологии и их настройки и, будучи невидимой, вливается в жизненный мир как своего рода естественный порядок вещей. Во-вторых (и это связано с первым), в фордовской модели ясно видны рукотворность этой временной организации жизни, ее искусственное происхождение и ее связь с рыночной мотивацией, не столь заметные в других ее воплощениях.

Э. Зерубавель выделяет в этом виде социальной организации времени четыре элементарных паттерна: ригидные последовательностные структуры, фиксированные длительности, стандартные темпоральные местоположения и единообразные частоты повторения¹³. В этой схематизации подчеркиваются структурные и механические свойства данной временной организации. Если учесть динамическое встраивание этих паттернов в жизненный процесс, то перечень черт можно дополнить такими характеристиками, как специфичные для такой временной организации скорости, темпы, интенсивности и т.д.

Проникновение этой особой капиталистической организации времени в поток человеческой жизнедеятельности происходит неравномерно. В XX в. по мере развития капитализма она выходит за рамки промышленного труда и все больше растекается по всей социальной ткани, постепенно овладевая все более широкими кругами человеческих деятель-

¹³ См.: Zerubavel A. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. — Berkeley etc.: University of California Press, 1985; Zerubavel A. *Timetables and Scheduling: On the Social Organization of Time // Sociological Inquiry*. — 1976. — Vol. 46. — Issue 2. — P. 87-94.

ностей (с экспансией рынка в такие прежде отделенные от него сферы, как потребление, услуги¹⁴, досуг, культура, профессиональный труд, знание) и приобретая универсальный характер. Это порождает всепроникающие волны селекции во всех областях, подчиняемых данной рациональной модели организации времени: замену одних поведений, представлений, чувств, установок, жизненных стратегий, вещей, форм социальной связи другими; смещение границ естественного и искусственного; постоянное обновление и сущностную нестабильность сфер «само собой разумеющегося» и «того, что знает каждый» и т.д. и т.п. Всюду вырастают «фабрики» и «корпорации», даже там, где их еще недавно трудно было даже помыслить: в университетах, науке, здравоохранении, культуре, спорте. Капиталистическая рациональность (в том числе капиталистическая рационализация временных структур) «колонирует» жизненный мир¹⁵.

Дифференциация/фрагментация мира и жизненный мир. Следует сказать, что встраивание потока жизнедеятельности в структуры абстрактно расписанных временных режимов, отрезков, ниш, расписаний и т.п., при все большей его экспансии и универсализации, не имеет тотального характера: часть жизненных процессов остается вне этого рационального упорядочения, а та часть, которая в него встраивается, не вписана в единый, согласованный и паноптический «гиперплан» — в, так сказать, единую таблицу организации и контроля человеческой жизнедеятельности. Скорее универсализация этой социальной организации времени происходит в форме сравнительно схожего временного паттернирования различных дифференцированных, независимых друг от друга коллективных сетей и систем (предприятий, организаций, организованных процессов, сетей действия, ассамбляжей, институций и т.п.) и относительно автономных частей внутри них.

Каждая из этих коллективных «сборок» задает собственные структуры рациональной временной организации: временные нарезки, ниши, графики, расписания, длительности выполнения, последовательности, синхронизации и т.д. Современному человеку свойственна множественная вовлеченность в социальный процесс, одновременное участие во множестве параллельных и независимых друг от друга частей этого процесса; соответственно, он должен вписывать свой жизненный поток во множество временных упорядочений, в сложное наложение дифференцирован-

¹⁴ Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. статья Т.А. Дмитриева. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011.

¹⁵ Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. — 1993. — Вып. 2. — С. 123-136.

ных временных организаций. В этих наложениях не гарантирована согласованность, они в значительной степени контингентны, и в силу этого человеку структурно гарантированы ситуации, когда на одни и те же временные ресурсы, имеющиеся в его распоряжении, будут претендовать — в силу собственных рационально заданных графиков и расписаний — разные части социального процесса, в которые он вовлечен.

В жизни интеллектуала, например, такие сгущения одновременных приятий на его личное время, исходящих от разных социальных вовлечений, могут фигурировать как «запарки», сгущения «дедлайнов», «авралы». Есть много разных способов, которыми может давать о себе знать проблема совмещения «внутреннего» времени человека с таким негармонизированным «внешним» временем, образующимся из множественных независимо функционирующих фрагментов капиталистической временной организации.

В социологии, в частности в социологии города (Г. Зиммель, Л. Вирт и др.), регулярно отмечалось, что множественная вовлеченность современного городского человека связана с большей свободой: человек не вовлечен ни в одну из групп целиком, свободен от тотального влияния этих групп и волен сам определять и переопределять конфигурацию своих вовлечений. У этого тезиса есть и обратная сторона.

Во-первых, свобода покинуть любую данную часть социального процесса не означает, что последняя не предъявляет к участнику собственных требований, в том числе требования вписывать его жизнь во временной порядок ее функционирования.

Во-вторых, в немалой степени эти требования инкорпорируются в техническую инфраструктуру соответствующей части социального процесса (в том числе в программное обеспечение): например, расписания электричек, графики работы магазинов и банков, дедлайны подачи заявок в фонды или предоставления отчетов по грантам включены в круг почти «естественных» непреложностей, а не в круг вопросов, по поводу которых возможны споры, переговоры и послабления. Рациональные временные каркасы, упорядочивающие те или иные части социального процесса, тяготеют к полной анонимности.

Наконец, выход из одной части социального процесса и выбор другой даже там, где они могут быть осуществлены практически, не освобождают от вездесущих матриц рациональной временной организации, которые пронизывают собой (во все большей степени) весь социальный процесс и, обретая естественный, само собой разумеющийся характер, реализуются поверх всяких дифференциаций.

Для общества с дифференцированными и плохо согласованными друг с другом расписаниями, графиками и режимами характерны такие по-

пытки справиться с ними, как, например, «логистика» в экономической сфере или «тайм-менеджмент» в сфере индивидуального самоконтроля. Эти попытки ориентированы на принципы «все успеть» и «не потерять ни секунды». Они не всегда достигают успеха, поскольку в любом планировании почти всегда присутствуют неподконтрольные и не полностью просчитываемые элементы и звенья. Самые тонкие расчеты могут легко разбиться о внезапный запрос на срочное предоставление отчета, транспортную пробку или внезапный приход двадцати электронных писем, требующих продуманного ответа, посреди и без них сложившейся «запарки», связанной с серьезными обязательствами.

В условиях быстрого изменения проблемы несогласованности времен в разных частях и фрагментах коллективного бытия проявляют себя особенно остро. В силу неравномерности изменений складывается настоящая мозаика быстрых и медленных времен, лишенная внутренней рациональной логики, с которой, тем не менее, приходится как-то справляться. Для жизненного мира в таких условиях характерны регулярные «подвешивания», проблематизации непроблематичного, размытие границ между естественным и неестественным и двусмысленности в области само собой разумеющегося. В ситуациях, когда рассогласования рациональных режимов, графиков и расписаний и самих рациональностей, на которых они держатся, проявляются в индивидуальном опыте с предельной интенсивностью, предметом рефлексии часто становятся структурные свойства мира, остающиеся для тех, кто обычно не сталкивается с такими ситуациями, латентными и сущностно неинтересными.

Решение проблем, связанных с затруднительностью/невозможностью совмещения временных требований и временных нагрузок, исходящих из разных областей и фрагментов социального вовлечения, имеет следствием перестройки ценностных иерархий, снятие напряжений путем отказа от тех или иных привязанностей, выживание/угасание тех или иных деятельностей, интересов, социальных связей и вовлечений в составе человеческой жизни.

Предложенная выше модель социальной организации времени имеет характер наброска. Она нуждается в дальнейшей разработке. Без принятия её во внимание картина современной жизни вряд ли может быть полной и даже, в каком-то смысле, адекватной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бауман З.* Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

3. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. статья Т.А. Дмитриева. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. — 592 с.
4. Тэйлор Ф. Из книги «Научная организация труда» // Управление — это наука и искусство: А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тэйлор, Г. Форд. — М.: Республика, 1992. — С. 224-305.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. — М.: Ad marginem, 1999. — 479 с.
6. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. — 1993. — Вып. 2. — С. 123-136.
7. Шюц А. О множественных реальностях // Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 401-455.
8. Lynd R.S., Lynd H.M. *Middletown: A Study in American Culture*. — N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1929. — 550 p.
9. Zerubavel A. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. — Berkeley etc.: University of California Press, 1985. — 224 p.
10. Zerubavel A. *Timetables and Scheduling: On the Social Organization of Time* // Sociological Inquiry. — 1976. — Vol. 46. — Issue 2. — P. 87-94.